

Платье невесты

Автор:

Лена Сокол

Платье невесты

Лена Сокол

Дерзко. Смело. Горячо #6

Работа в престижном свадебном салоне – что может быть увлекательнее для юной девушки? Радует других, а самой слышится заветный «Мендельсон» и шумные поздравления. Вот только жених Марусе попался мало того, что нерешительный, ещё и «глубоко женатый». А как же мечты о простом женском счастье, неужели им не суждено сбыться?

Все изменится, когда она получит неожиданное предложение от своего босса и случайно узнает его тайну.

Лена Сокол

Платье невесты

© Лена Сокол

* * *

Пролог

Когда Витя притащил к ней в квартиру палатку, Маруся очень обрадовалась. Ей нравилось, что он уже считает это место своим. Нет, их общим местом. Домом. Ее не беспокоило, что теперь весь коридор будет завален всевозможным снаряжением. Девушка очень радовалась тому, что ее Витенька во время своего сплава по горным рекам будет защищен от любых капризов непогоды.

Она даже представляла, как в лицо ему дует холодный ветер, как на пути встречаются препятствия и опасности, как напрягаются его мышцы, когда он пытается преодолеть тернистый путь по горной местности. И от этих мыслей все эти разбросанные по полу ботинки, спальник, рюкзак, специальная одежда и маска уже не так сильно ее раздражали.

Зато как счастлив был Витя, что она разделяла страсть к его увлечению! Часами он мог рассказывать, как трудно приходится ему в походе, и почему так важно, чтобы перчатки, маска, куртка и даже майка были дышащими и не пропускали ветер и влагу. Ведь сколько сил и навыков понадобится Вите в этой нелегкой экспедиции, и каким выносливым и смелым нужно быть. «Вот, гордись мной!»

И она гордилась. Помогала выбирать весь этот хлам, позволяла хранить его у себя дома и даже периодически сдувала с него пылинки. Впрочем, как и с самого Вити. И со всего, что было с ним связано.

– Улучшенная вентиляция! Ветроустойчивость! Два тамбура, два входа! – Вещал ее Витя, крутясь вокруг долгожданной покупки. – Четыре внутренних кармана и петли для бельевых веревок или лампы! Отражатели, застежки-молнии!

И Маруся восхищенно ахала на каждом слове, одновременно помогая ему раздеться и надеть тапочки, которые она ему недавно купила.

Витя не замолк и во время быстрого ужина: давясь мясом по-французски и гарниром из молодого картофеля, он с упоением рассказывал о том, по какому сложному и опасному маршруту отправится на этот раз. А девушка, умиляясь, представляла, что, возможно, однажды тоже преодолет и страх высоты, и врожденную нелюбовь к комарам-кострам-палаткам и отправится вместе с ним.

И злилась.

На его эгоистичную Натали, которой трудно было принять и понять столь мужественное хобби супруга. А потом девушка смотрела на ситуацию с другой стороны и потихонечку успокаивалась. Все-таки, все эти туристические причиндалы – это то, что в данный момент их с Витей еще сильнее сближало. Это именно то преимущество, которое было у нее теперь перед официальной женой Вити.

– Ты, что, она ж меня погонит сразу! Скажет, или вали из дома, или сдавай всё своё добро обратно в магазин! – Витя даже раскраснелся, представляя гнев супруги. – Ей разве объяснишь, что я мечтал, что откладывал долго. Заявит, что надо было лучше на новую машину добавить. Не-е-ет... Пока нельзя ей говорить, нужно подготовить. Пусть всё пока здесь полежит. До лучших времен.

Что и говорить, больше Маруси, наверное, никто этих времен и не ждал. Только вот они никак не спешили наступать. Год, второй, третий... А она все ждала, когда любимый Витенька сделает свой выбор. Вот как проснется однажды и поймет, что жена-мегера уже все мозги ему выпилила, и пора от нее когти рвать. И что Марусенька любит его больше всех на свете. И что готовит она вкусно, и хобби его разделяет, и в сексе никогда не отказывает. И даже наоборот.

Потому и принимала девушка весьма решительные действия, подталкивая его к тому самому, верному, шагу, который положит начало их совместной официальной жизни – становилась самой понимающей на свете женщиной: другом, женой, любовницей, верным оруженосцем. Журналы читала умные, советы из них выписывала, фигуру свою фитнесом подтягивала, ноги исправно брила и отчаянно привораживала Витеньку обновками эротичного кружевного белья.

– Не возражаешь? – Спросил ее ненаглядный, открывая окно, чтобы подымить.

На балкон ему было лень идти, к тому же осень – холодно. А в подъезде Витя опасался встретить кого-нибудь из знакомых. Ясное дело, пришлось бы объяснять, что он тут делает. А Маруся давно уже ничему не возражала. Если уж кто и заслуживал уступок с ее стороны, так это ее обожаемый Виктор. Пусть курит. Чем больше у нее преимуществ над надменной и холодной Натали, тем лучше.

Втянув последнее горькое облачко в легкие, Витя ткнул окурок в хрустальную пепельницу, которая теперь стояла на подоконнике специально для него, и обеспокоенно глянул на часы. По тому, как он нахмурился, выпуская ноздрями дым, Маруся поняла, что сегодня опять будет по-быстрому. Зато хотя бы будет. А то уже пару дней не виделись. И совсем скоро они смогут не считать минуты и никуда не спешить.

- Что там сегодня показывают? - Прошлепав в гостиную, Витя включил телевизор, добавил звука и зевнул.

Он прекрасно знал, что в это время транслируют очередное ток-шоу про семейные разборки, но без фонового шума ему было неудобно.

- Я так соскучилась, - призналась девушка.

- Иди сюда, - обрадовался он.

Подтянул к себе, вжался своим телом в ее тело. Привычно провел носом по шее девушки и прикусил мочку уха, заставив дышать чуть сорвано и быстро. А затем резко развернул и плотно прижался животом к спине. По-хозяйски проник пальцами под белье, проверил, готова ли Маруся, или придется потратить время на лихорадочную прелюдию.

- Ммм... - Застонала она под натиском его рук.

А потом все случилось так быстро, что девушка и не поняла, что это было. Ощущение было такое, будто она прибежала с опозданием на сеанс в кинотеатр, уселась удобнее, приготовилась посмотреть увлекательный фильм, достала попкорн, а тут уже титры на весь экран, включается свет, и люди встают с мест, чтобы покинуть зал.

Витя несколько раз сильно дернулся, прижал ее к себе и обмяк.

- Вот это да. - Сказал он, пытаюсь восстановить дыхание. - Как ты?

- Хорошо. - Соврала она, приподнимаясь.

Взглянула искоса на то, как он брезгливо, стараясь не запачкать пальцы, снимает использованную резинку, и приподнялась.

– Я в душ. – Мужчина наклонился и ткнулся сухими губами ей в рот.

– Угу. – Кивнула она, принимая свою порцию ласки.

А потом принялась собирать одежду, разбросанную по полу, слушая, как он смывает с себя горячей водой запах ее духов, поцелуев и мяса по-французски, которым пропитался весь воздух в кухне.

– Представляешь, – захлебываясь, бубнил он в трубку кому-то из своих друзей, – два тамбура, два входа! – Наскоро натягивал рубашку на еще влажное тело. – Отражатели, застежки-молнии! Да-да, все как мы с тобой и планировали. Оставил у Маруськи, надо сначала подготовить почву, дожидаться, когда настроение у нее будет хорошее. А то сам знаешь, вопить будет, что угорелая!

Криво напялил шапку. Девушка заботливо поправила. Влез в ботинки – она помогла завязать шнурки. Витя так и не расстался с телефоном, покидая ее квартиру. Чмокнул на прощание и продолжил разговор, спешно сбега по лесенкам. Маруся привычно прильнула к холодному окну: вот сейчас обернется и помашет ей. Но он никогда не оборачивался. Очень торопился, потому что домой нужно было вернуться вовремя.

Потом девушка убирала со стола, смотрела скучные телевизионные передачи, представляя, как однажды они с Виктором будут делать это вместе, а потом ложилась в одинокую постель на прохладные, противно скрипящие простыни и долго пыталась согреться.

Да, пока она спала в своей кровати одна, зато все эти три года Маруся была для него самой понимающей, ценящей и верной. А ведь это еще одно преимущество, которое Витенька непременно оценит.

Еще чуть-чуть, и она будет счастлива. Ждать оставалось недолго.

Дело в том, что Маруся была красавицей от рождения. Правильный овал лица, пухлые губы, огромные зеленые глаза и шикарные, густые волосы. С такой внешностью можно было не краситься. И даже не расчесываться. И даже спать лицом в подушку, а утром не смотреться в зеркало: надела мешок из-под картошки, пошла в люди, и уже красавица. Классическая. А у такой по закону природы подруг быть не может.

Но у нее была одна. Скорее приятельница, еще со школы. Сошлись они на том, что сидели за одной партой и друг у друга периодически списывали. Маруся у нее математику, а Таня, так звали подругу, у Маруськи – гуманитарные дисциплины. И дружба, замешанная на риске и мухлеже, была для них чем-то особенным, авантюрным и не поддающимся пониманию.

После окончания школы обе девицы поступили в институт. Маруся все пять лет вздыхала по однокурснику Ванечке, а Таня уже на третьем курсе выскочила замуж. И брак этот дал огромную трещину в их приятельстве, а также избавил Татьяну от необходимости продолжать обучение, так как она забеременела и вынуждена была уйти в академический отпуск.

Избранник подруги Марусе сразу не понравился. В первый же день, когда Танечка прибежала в их комнату в общежитии и сообщила, что встретила на художественной выставке эффектного холостяка-миллионера. Шестое чувство подсказало ей, что радоваться за подругу рано, и было право: холостяк оказался толстым коротышкой с соболиными бровями, жирными пальцами и далеко идущими похотливыми планами на молоденькую студентку.

С того дня Танечку словно подменили. Все, о чем она могла болтать, это ее новые трусики за триста евро или шарфики за пятьсот. Отныне она проводила время в особняке своего, как она его называла, Боссика, и считала своим долгом рассказывать подруге в мельчайших подробностях о том, какими роскошными норковыми шкурками устланы позолоченные скамьи на террасе у ее избранника, и о том, что коллекционный коньяк в его баре стоит дороже однушки в центре.

Вместе с Боссиком они смотрелись, как дедушка и внучка, но частые походы в ЦУМ оправдывали и это. Платья от Valentino, туфли Jimmy Choo, сумки Gucci и духи от Dior позволяли закрывать глаза на любые внешние недостатки престарелого любовника. Совсем недавно Танечка и представить не могла,

каково это – иметь собственный замок в элитном поселке и возвращаться в обществе миллионеров, а теперь вот – пошло-поехало.

– Хочешь выбиться в люди, нужно попытаться выгодно продать свою пока еще свежую сексуальность подороже, – учила она Марусю.

Но та, к сожалению, еще с юности мечтала влюбиться от всего сердца, а не выскочить замуж за золотые прииски или нефтяные качалки.

Потому все старания Танечки переодеть и перековать ее под нужды олигархов она яро отвергала. И вскоре подруга махнула на нее рукой, переехала на Рублевку и обменяла свою свободу на бриллиантовую подвеску, норковый полушубок и операцию по увеличению сисек.

Летели дни, недели, месяцы, а тем для общения у бывших подруг почти не оставалось. Да и стеснялась ее Таня: не место красивой, незамужней приятельнице на светской вечеринке для высокопоставленных гостей в ее загородном доме. Нелепо бы она там смотрелась.

Так и разошлись их пути.

И Ванечка, над которым так долго вздыхала Маруся, решил вдруг жениться. Ни с того, ни с сего, не оценив порывов ее души, внезапно объявил, что у него есть невеста. И даже не поблагодарил за пять лет дружбы и помощи в учебе. Просто вывалил на нее эту свою новость во время прощального банкета по случаю окончания учебы в институте – как раз в тот момент, когда девушка, приняв для храбрости сто грамм, прильнула к его груди.

Но, оказывается, наличие невесты и ожидание скорой свадьбы никак не влияло на желание Вани слиться с Марусей в страстном дружеском порыве без стеснений и обязательств. Он жадно целовал ее на танцполе, затем крепко обнимал в такси, а потом старательно лишал девственности в комнатухе общаги под аккомпанемент скрипа старой кровати и собственных довольных стонов.

Это даже было похоже на любовь. С длинной, пьяной прелюдией, перерывами на разговоры о смысле жизни, глубокими поцелуями, неожиданным и неуклюжим минетом уже под утро.

- Красивая самая, - шептал Ваня ей на рассвете.

- Правда?

- Да, всегда на тебя заглядывался.

- Так почему не сказал?

- Думал, у тебя есть кто. У красивых всегда кто-то есть. Сначала страшно было подойти, а потом мы сдружились, да так крепко, что неловко стало пытаться перейти черту.

- А я тебя любила. Все эти пять лет. Любила, как ненормальная. Все лекции просиживала, глядя на тебя. И сейчас люблю.

Она прильнула к его волосатой груди и обняла крепко-крепко. Могла бы замурлыкать кошечкой, обязательно бы это сделала - в доказательство своих слов. А Ваня лишь неловко провел по ее волосам тяжелой ладонью, загадочно хмыкнул, поерзал, аккуратно высвободился из объятий и встал. Молча натянул трусы, рубашку, брюки. Даже не обернулся. Сказал, что пойдет покурить, и пропал.

Девушка подождала минут пятнадцать, лихорадочно обдумывая, как же им теперь с Ванечкой быть: ему ведь придется объясняться с невестой, отменять свадьбу, извиняться перед гостями, примириться с тем, что пропадет задаток за банкет в ресторане. Единственный плюс - костюм он сможет надеть на их с Марусей будущее бракосочетание. Как же все-таки хорошо, что они, наконец-то смогли поговорить и раскрыть душу друг перед другом!

Но крохи сомнения с каждой минутой, пока не возвращался ее сокурсник, превращались в клубки тревоги. «Куда же он запропастился?» Простынет ведь, глупенький. И, накинув халатик, девушка поспешила на лестницу. Но ни табаком, ни Ваней там даже не пахло. Напрасно она десятки раз набирала его

номер, тревожась, что же такого могло с ним произойти. С парнем все было хорошо. Через пару дней он обнаружился живой и здоровый на собственной свадьбе – при костюмчике и красавице-жене, разумеется.

Маруся была не из тех, кто устраивает прилюдные разборки. Она хотела просто поговорить. Ведь с кем не бывает? Женитьба – серьезная ответственность. Ну, струсил парень, побоялся отменить. Ну, может, передумал? Понял, что согрешив с подругой, он совершил ошибку. Или вдруг родственники будущей жены надавили? С кем не бывает. Неужели, она, Маруся, не была достойна того, чтобы с ней просто по-человечески объяснились?

Но Вани с извинениями она так и не дождалась. Он просто вычеркнул ее из своей жизни и из памяти, как маловажный и ничего не значащий эпизод. Подумаешь, лишил девственности наивную дурочку – чего только по пьяни не бывает.

А вот и до этого не особо общительная Маруся теперь и вовсе замкнулась в себе. Сдала комнату в общежитии, собрала вещи и вернулась в свой маленький, провинциальный городишко, чтобы коротать вечера за книжками и мысленно искать предателю-любовнику всевозможные оправдания. Просто она всегда до последнего верила в людей, даже в безнадежных.

2

Но в родительском доме девушка покоя тоже не нашла. Ограниченная строгими рамками жизнь показалась ей тесной, как старая обувь. Строгий распорядок дня скупой на проявление чувств матери, ворчание вечно всем недовольного отца и постоянные причитания семидесятилетней бабушки о том, что ее внучка – неудачница, радости существованию не добавляли.

– Художку забросила, вступительные испытания в балетную школу провалила, из музыкалки выгнали. – Бабушка могла перечислять моменты моего позора часами. – А ведь отец тебе скрипку купил!

– Бабуль...

– А теперь вот! Сидишь с дипломом дома. В столице не смогла устроиться, просиживай штаны в глубинке. Еще пару лет, и кончишь старой девой. Личная жизнь вон, неустроенная. А все почему? Потому что ты старших никогда не слушала.

А она слушала.

Наверное, поэтому никогда и не пробовал жить своей жизнью. Не задумывалась, чего хочет от этой жизни, кем мечтает стать. Каждый из родных пророчил ей правильное по его мнению будущее: статной жены богатого банкира, строгой скрипачки в лучшем оркестре страны, язвенно-бледной балерины, колесящей с гастроями по всему миру. И уж точно никто из них не думал, что из девчушки вырастет отпетая неудачница, у которой в любой из сфер жизни ничегошеньки не будет получаться.

И вот в один прекрасный воскресный день, когда вся семья вернулась с дачи, они расселись за столом в тесной кухне и стали наперебой давать Марусе советы:

– Иди в центр занятости. Работу найдешь, некогда будет глупостями заниматься!

– Выпиши из газетки все вакансии и начинай обзванивать.

– В Интернете! В Интернете! На сайтах гляди!

– Ты уже целых две недели дома живешь, чай не гостья. За квартиру свою долю плати, а для этого работу ищи. Желательно на заводе, чтобы стабильно. Желательно у станка, чтобы не расслабляться.

– Нет, пусть устраивается в бухгалтерию, – настаивала бабушка, – они там больше получают. Уж я-то знаю.

А уставшая от тяжелой работы под палящим солнцем Маруся мечтала только об одном – уехать от них, желательно подальше и навсегда.

– Чего молчишь-то? – Спросила мать.

Ее голос показался девушке таким чужим и далеким, что по телу пробежал холодок.

– А я... я возвращаюсь обратно. – Тихо проговорила она.

И спрятала взгляд в чашке с чаем.

Они спорили еще долго. Каждый из них лучше знал, что нужно Марусе. Но никто так и не поинтересовался, чего хочет она сама. И почему, как вернулась, совсем не улыбается. И чем она жила без них последние пять лет. И о чем болит ее сердце. В окружении этих людей девушка чувствовала себя еще более одинокой, чем в пустой комнате общаги. А значит – не о чем было жалеть. Она вернулась в шумный мегаполис и шагнула навстречу мечте. Какой? Сама еще не знала.

Но все было впереди.

Чемодан, вокзал, несколько тысяч в кармане и широко распахнутые от волнения и страха глаза. Те простые признаки, по которым служители правопорядка с легкостью вычисляют наивных приезжих. Маруся об этом знала, но все равно ничего с собой не могла поделаться. Чего она ждала от этого города? На что надеялась? Куда планировала пойти? Съемная квартира это не комната в общежитии, она стоила куда дороже, и была ей сейчас не по карману.

Девушка присела в уголке, чтобы еще раз пролистать с телефона объявления о сдающейся жилплощади. После душного, прокуренного поезда прохлада вокзала казалась ей обжигающей, почти ледяной. И кто бы мог подумать, что на эту, кутающуюся в бабушкин платок, не выпавшуюся, лохматую провинциалку, положит глаз самый разбитной и любвеобильный уличный художник мегаполиса Ян Зварский.

Он зашел на вокзал проводить старого товарища, который был в городе проездом всего на сутки. И все это время эти двое не вылезали из кабака. Поэтому Ян, с покрасневшими от недосыпа глазами, с всклокоченными длинными волосами, в распахнутой на груди рубашке с закатанными рукавами, смотрелся среди вокзальной шушеры почти своим. Он передал спящего товарища в надежные руки проводницы и теперь шел, лихорадочно придумывая, где бы купить сигарет, когда его блуждающий по витринам лотков взгляд вдруг

наткнулся на безупречную красавицу Марусю.

Эти двое вряд ли бы когда-то встретились в обычной жизни. Не иначе, как звезды сошлись в нужном месте и в нужное время. Обворожительный гуляка с дурной репутацией и скромная, растерянная нимфа с невинными глазами. Ян сразу прочел в ее глазах безысходность деревенщины, которой некуда податься. Подсел, разговорился. Как мужчина обаятельный, сразу выпытал информацию об отсутствии жилья и прописки.

А дальше у него совершенно случайно оказалась свободная комната в квартире на одной из центральных улиц – пешеходной, оживленной и наполненной туристами. Совершенно случайно он давно хотел найти для нее постояльца за символическую плату и как раз – одинокую, приличную девушку без вредных привычек.

Это Марусе еще повезло, что Зварский не оказался маньяком-насильником. А ведь мог быть кем угодно. Торговцем живым товаром, к примеру – он мог бы продать ее в бордель, удерживать в плену, убить и расчленить, и никто не стал бы ее искать. Но девушке показалось, что она разглядела в его глазах что-то доброе и искреннее, и нужно было отдать ему должное – Ян ничего плохого и не замышлял.

Просто влюбился.

Так, как влюблялся каждые три дня. Искренне, от всей души и до тех пор, пока не встретит другую очаровательную незнакомку.

3

Он привел ее в свою старенькую, доставшуюся еще от бабушки, двушку с высокими потолками и скрипучими потертыми паркетными полами. Квартира располагалась на шестом этаже и имела собственный выход на огражденную кривой кованой решеткой крышу. Туда Ян на лето перебирался из своей комнаты вместе со всем художественным скарбом: мольбертом, красками, зонтом и ржавой раскладушкой. Рисовал, пьянствовал, соблазнял натурщиц.

Для Маруси он отвел вторую спальню, которую использовал как склад, или попросту – как свалку. Вообще, вся его квартира мало напоминала жилище обычного человека. Это была студия, в которой время от времени собирался цвет богемы и местные фрики. Разуваться в этом царстве искусства принято не было, осуществлять любые виды уборки тоже.

Но девушке там понравилось. Из окна шикарный вид на храм, на горизонте живописные загогулины вымощенных камнем улиц, всюду разноцветные крыши, залитые солнцем, и нескончаемый щебет птиц, уютно вписывающийся в шум машин. А главное – ей было, где ночевать, хотя бы первое время. И можно было не спеша производить поиски работы.

Коварный план Зварского по быстрому взятию Маруси штурмом с треском провалился. Она не повелась ни на его наглые зеленые глазищи, ни на крепкие ягодицы, которые мужчина выставлял напоказ, щеголяя от ванной к кухне в чем мать родила, ни богатая растительность на его сильной груди. Все это девушку, конечно же, впечатлило, но не настолько, чтобы с головой нырнуть в жадные объятия любвеобильного художника.

И тот целых две недели, что было на него совсем не похоже, изнывал от невыносимой тоски. Приглашал ее прогуляться вместе, зазывал попозировать, даже разрешил прибраться и вымыть у себя полы, но контакт дальше приятельских отношений никак не шел. Тогда Зварский пошел на кардинальные меры – предложил Марусе с ним выпить.

И даже повод был выбран подходящий: творческая хандра. Так называемый неписец.

– Вот стою у чистого листа и ничего не вижу. Ничего. Я пуст. – Трагически произнес мужчина, разливая коньяк по рюмкам. – Мы с тобой в одной лодке: оба еще не нашли своего пути. Но у тебя вся жизнь впереди, а я безнадежен...

– Нет же! – Бросилась разубеждать его Маруся, лавируя между полотен, сложенных вдоль стен. – Посмотри, это гениально. Какие цвета, какие формы!

– Передо мной словно барьер. – Пожимал плечами Ян, подливая ей еще. – Эти модели... Они все серые... Одинаковые какие-то. Мне нужна муза. Разве что ты могла бы...

– Но я...

– Посмотри на эти плечи. – Опрокинув рюмку, он потянулся и грубой ладонью провел по ее нежной коже на ключице, затем осторожно скользнул к предплечью и вздохнул: – Я хотел бы его нарисовать. Просто плечо. – Медленно пальцами вверх обратно. – И шею. Этот лебединый изгиб. Он прекрасен. Не двигайся. – Зварский притащил с крыши мольберт, установил на него чистый лист, схватил грифельный карандаш. – Не шевелись, Мария. Только так. Четкие линии. Изящные, рваные, живые.

Девушка сидела, боясь вдохнуть и выдохнуть. Она залюбовалась блеском в его глазах, его дикой увлеченностью, его мягкими каштановыми волосами, упавшими на напряженное лицо. Коньяк согрел желудок и разлился неожиданным горячим теплом по венам, забирая ненужную стеснительность. И когда Ян подошел, чтобы поправить ворот ее хлопковой туники, она не возражала, чтобы он сдвинул ее ниже, оголив второе плечо и нежное кружево бюстгальтера.

Через полчаса ее тело было обнажено на половину и горело под безумным взглядом талантливого мастера. Еще через полчаса руками этого же мастера оно было обнажено уже полностью. Коньяк, тугие бицепсы и природное обаяние Зварского взяли верх над неприступной скромностью Маруси, до сих пор не знавшей настоящей мужской ласки и вкуса искушенной страсти.

Он приподнял ее на руки, словно пушинку, отнес к дивану и положил прямо на старые газеты, смятые проспекты и пожелтевшие наброски. Девушка дрожала от его прикосновений, но настойчивый поцелуй снял все ненужное напряжение. Ян Зварский был опытным любовником и знал, на какие кнопки нужно нажимать, чтобы женское тело заиграло в его умелых руках, словно роскошный рояль. Он отстранился и опустился ниже, заставив Марусю поволноваться. Она смотрела на него, кусая разгоряченные губы, будто наблюдала за реакцией на собственную наготу.

По коже бежали мурашки. Девушка видела, как потемнел взгляд Яна, когда он опустился ей между ног. Попыталась притянуть его обратно, но мужчина решительно убрал ее руку. А затем прикоснулся к ней там. И от неожиданно приятных ощущений Маруся шумно вдохнула и выгнула спину. Решила не сопротивляться. Довериться. Захлебываясь от ощущений, она не переставала

удивляться, почему его язык был таким прохладным, если они вместе пили коньяк, от которого должно было стать теплее.

Но у Зварского были свои секреты. Ни одна женщина еще не уходила от него неудовлетворенной. Вот и с Марусей он управлялся проворно, точно зная, когда нужно ускориться, а где немного притормозить. И девушка больше себя не сдерживала: извивалась, приближая к нему разведенные ноги, мяла лихорадочными пальцами шуршащие под ней наброски и тяжело дышала. Наконец, почувствовав, как ее тело сводит сладкой судорогой, Ян прижался к ней лицом и до боли впился пальцами в бедра. Она вскрикнула, изогнувшись от яркой вспышки, и упала влажной от пота спиной на бумаги, служившие им простынями.

Но Зварский не закончил. Он любил удивлять. А, поняв, что перед ним совсем не опытная и весьма зажатая юная любовница, счел своим долгом, как следует, познакомить ее с миром чувственных удовольствий. Мужчина быстро скинул с себя остатки одежды, помог Марусе перевернуться, приблизился к ней вплотную и медленно вошел.

С губ Маруси сорвался громкий стон. Она поняла, что секс с Ваней был не только ошибкой, он и сексом-то не был вовсе. А вот Зварский умел прислушиваться к партнерше, чувствовал, как и когда ее нужно дополнительно стимулировать или когда это не нужно вовсе. Он положил руку на поясницу девушки и заставил двигаться в определенном рваном ритме. То притягивал, то отпускал, то задерживался в ней надолго, позволяя прочувствовать себя каждой мышцей изнутри, то двигался так быстро, что ее неумолимо скрутило от нахлынувших волн удовольствия.

А через пару минут отдыха он продолжил начатое. Нависая над ней сверху, проникая сначала не на всю глубину и медленно, с большим количеством поцелуев – как бывает только по любви. А потом яростно, глубоко и быстро, выбивая из нее оглушающие стоны. Ян Зварский отдавал себя всего, ему хотелось поразить провинциальную красотку. И даже когда сдерживался уже из последних сил, он не давал себе возможности немного передохнуть, плавно перенося ее из предыдущего пика страсти сразу в следующий.

Этой ночью они не спали. Когда стало светать, усталые и измотанные уснули на полу, развалившись на нечаянно сорванной с гардины выцветшей шторе и укрывшись старым пальто художника. А, проснувшись в обед, Маруся

обнаружила Яна абсолютно голым, пьяным, с сигаретой в зубах, рисующим ее обнаженное тело. Она смотрела на его расширенные зрачки, на дикий, одержимый взгляд, на совершенное тело и понимала, что неумолимо влюбляется.

Так у Зварского появилась муза.

4

Когда мужчина смотрит на женщину, как на богиню, она перестает стесняться своей наготы. Ян ровно так на нее и смотрел. Голодным, сумасшедшим взглядом. Восхищенным и слегка захмелевшим от забродившей в венах крови. Его буквально физически торкало от созерцания форм Маруси. Он неустанно повторял, что ее тело прекрасно, и, наконец, девушка сама в это поверила и совершенно утратила какое-либо смущение.

Ей льстило, что вид ее обнаженных изгибов вдохновлял Зварского на художественные подвиги. И тот, кажется, действительно сошел с ума. Небольшие зарисовки, карандашные наброски, полноценные картины в полный рост в различных техниках. Он прерывался только на еду, секс и сон, а потом продолжал снова. Изображения Маруси заполнили собой практически всю квартиру-студию, и девушка в полной мере начала осознавать собственную значимость в искусстве и жизни самого Яна.

У нее отпала необходимость в поисках работы, да и времени на это больше не было. Если они не занимались сексом, они со Зварским были заняты творчеством, если не были заняты творчеством, то устраивали у себя богемные вечеринки, на которые собирался весь творческий сброд и андеграунд подвальных студий столицы. Актеры, художники, начинающие и уже состоявшиеся музыканты, престарелые мэтры различных видов искусств, пришедшие полапать юных, подающих надежды актрисок. Целое созвездие громких и одновременно никому не известных имен.

Цыганствующий карнавал – так Маруся называла это сборище странных людей, которые, заполнив собой все имеющиеся в квартире поверхности, лежали, сидели и стояли у них в гостях иногда даже сутками. Они пели неприличные

песни, матерились, нередко дрались, а затем снова возвращались к мирному обсуждению современного искусства – такого несправедливого по отношению к непризнанным гениям.

В воздухе привычно стоял запах краски, перегара, духов и тлеющей сухой травы. Они все много курили, и в основном что-то запрещенное, отчего потом долго смеялись и лезли друг к другу целоваться. Сначала Марусю смущала вся эта обстановка и все эти чужие люди, поглядывающие на нее с интересом, но очень скоро она привыкла. И с подачи Яна уже сама смело затягивалась горьким дымом, от которого становилось так легко и весело, что жизнь казалась настоящей сказкой.

Так прошло несколько месяцев. С наступлением зимы пришлось затащить все художественные прибамбасы обратно в мастерскую, в уютном любовном гнездышке, где Ян с Марусей могли вечерами любоваться закатом, стало невыносимо холодно. И теперь они с нетерпением ждали прихода сначала Нового Года, а затем и весны. И вот, в конце декабря пришла хорошая весть – какой-то богатей купил одно из изображений Маруси для своего особняка.

Обмывали гонорар Зварского они всей толпой. Опять в квартирке собралась разношерстная компания, шампанское полилось рекой, гости наперебой толкали умные речи о современном театре, балете, кино. Одни лежали на диване, другие на полу, кто-то сидел даже на промерзшем подоконнике, и все передавали по кругу какую-то пахнущую горьким сеном самокрутку. А Маруся, героиня вечера, изображением которой были завешаны уже почти все стены мастерской, ходила между ними по пыльному полу босиком, обмотанная простыней, как древнегреческая богиня, и степенно подавала закуски.

А потом в окутанной сизым сигаретным дымом квартирке начались веселые песни под гитару, страстные танцы и громкий смех. Какой-то юный поэт, которому посчастливилось напиться и утолить свой голод сырной нарезкой, стоя прямо на табурете, громко декламировал стихи. Ему все дружно аплодировали, и Маруся, опьяненная успехом, тоже.

Кто-то притащил старый патефон, и все ринулись плясать под Шаляпина. «Странный выбор», – думала девушка, но в этой компании, кроме нее, не было ни одного, так сказать, нормального, среднестатистического человека, и потому массовое пьяное помешательство никого не смущало.

Еще через час они со Зварским уже возлежали на подушках в углу комнаты, наблюдали, как одна из юных, царственно-бледных и тощих балерин выдавала робкие па под бас гениального музыканта, смеялись и привычно пили из одного бокала вино.

И гордая своим мужчиной Маруся заснула под этот адский шум, чувствуя себя абсолютно счастливой. А проснулась уже на рассвете, когда солнечные лучи настойчиво пробивались сквозь туманную дымку отступающей ночи и скользили по полу мастерской, освещая распростертые тут и там тела спящих богемных выскочек разных сортов и возрастов. Зварского рядом почему-то не обнаружилось.

Но нашелся он быстро. В соседней комнатке. Она застала его сношающимся с той самой тощей балериной с ногами-спичками и сисечками-прыщиками. Он удобно наклонил девушку на табурет, на котором так любила позировать Маруся, и, ничуть не смущаясь спящих на диване рядом гостей, трахал ее на почти невысказанных скоростях. Зварский не остановился даже тогда, когда заметил присутствие Маруси в комнате. Так и продолжил шпарить, не сбавляя скорости.

Лишь махнул рукой, что могло означать либо «присоединяйся», либо «не мешай и иди отсюда».

– Я мужчина! Мне нужно разнообразие! – Кричал он позже, когда она собирала свои вещи, утирая горючие слезы. – Не реви, Мария, это глупо. Я не виноват, что у меня иссякло вдохновение! Всему есть свой срок!

Но Марусю было не остановить. Она бросилась яростно рвать наброски, на которых была изображена. А балерина, одернув кожаную юбку и поправив чулки, флегматично восседала на стуле, наблюдая за этой сценой, и, видимо, просто ждала окончания скандала.

– Прекрати, Мария! При чем здесь искусство? – Мгновенно протрезвевший Зварский рвал на себе волосы.

– Ноги моей больше не будет в этой колыбели разврата! – Маруся кидалась на стены, сдирая холсты. – И ни фигуры моей, ни лица, ни даже кончика носа!

– Марусик, Марусечка... – Он упал на колени, пытаясь телом прикрыть оставшиеся картины. – Ну, что ты из-за ерунды?

Ерунда в это время, как назло, громко икнула и повалилась со стула. Перебрала. Такое бывает, если за целый день съесть два салатных листа и яблочко, а потом жрать шампанское, как не в себя.

– Тьфу! – Плюнула Маруся, перешагивая через пытающуюся подняться на ноги балерину.

– Ты куда? – Донеслось со спины.

Она ответила что-то дерзкое – про кота и его гениталии, кажется. А затем покинула его мастерскую навсегда.

5

И так, она снова оказалась на той точке, с которой все начиналось. Снова одна, снова с чемоданом, без копейки денег и связей. Без надежды выжить в шумном мегаполисе, обошедшемся с ней так несправедливо. Хотя, чего Маруся хотела? Ведь знала же, с кем связывалась. Люди искусства и так не от мира сего, а Ян еще и видный мужчина. И хоть сердце никогда и не замирало при виде его волосатой груди, зато замирало все остальное.

Да, ее тело помнило, как дрожало и пело под его сильными руками. И пусть меж ней и Зварским не было места для истинного родства душ, из которого обычно рождается большое светлое чувство, но все-таки они достаточно долго существовали в едином пространстве. И в этой дикой смеси необузданного секса и горячих эмоций и рождался креатив: живой и импульсивный творческий процесс. По этому всему Маруся тоже чувствовала острую ностальгию.

И вот она оказалась одна. Жестоким морозным вечером, в канун Нового Года. Сумасшедший предпраздничный шопинг был в самом разгаре. Люди хватали с полок все без разбора: продукты, сувениры, украшения, смартфоны, одежду. Город до поздней ночи стоял в беспощадных пробках, а в воздухе витал запах

свежих еловых веток, дорогих духов, мандаринов и выхлопных газов.

А Маруся медленно плелась по улице среди всей этой суеты, разглядывая мутными от слез глазами многочисленные яркие витрины и громоздящиеся в них игрушки, гирлянды и шары. И никто на целом свете нигде ее не ждал. Жизнь казалась девушке такой же ничтожной, как снежинки, которые таяли от ее дыхания на пушистых вязаных варежках.

Полный мрак.

И задвинуть бы свою гордость куда подальше. И вернуться бы домой с поджатым от обиды хвостом. Да денег не было совершенно. И пусть к гонорару Зварского она имела весьма опосредованное отношение, девушка все равно не решилась бы взять хотя бы малую его часть.

Ноги зябли, щеки под образовавшимися на них морозными корочками болели все сильнее, а слезы на ресничках Маруси уже превратились в льдинки и неприятно резали глаза. В пору было ложиться и умирать, когда вдруг очень знакомый голос вытащил ее из глубины отчаянных мыслей:

– Еникеева? Ты?

Знаете, что такое закон подлости? Это такая коварная штука, которая действует всегда. Ты никогда не встретишь старую подругу или бессовестного бывшего, если выйдешь из дома при макияже, укладке и в новой шубке. Зато если выскочишь из дома в рваных тапках, растянутых велосипедках и с гнездом на голове, то непременно нарвешься на кого-то из старых знакомых.

Ухоженная, холеная, безупречная Танечка выросла на пути Маруси в самый неподходящий момент. Они не виделись больше двух лет, и тут на тебе – роковая встреча. Маруся с красными, заплаканными глазами, замерзшими ногами в неудобных ботинках, с онемевшими от холода щеками и насморком. И Татьяна – в кожаной дубленке с меховыми вставками, с элегантно повязанным на голове шерстяным цветастым платком и в сексуальных сапогах на тонкой шпильке.

Удивительно, как она вообще распознала в этом хлюпающем носом беспризорнике Марусю. Та, кстати, решила сделать вид, что не услышала оклика

и спешно отвернулась к витрине супермаркета, на которой были изображены всевозможные яства: колбасы, нарезки, сыры. Отчего ее бедный желудок тут же протестующе заурчал.

- Еникеева! - Повторила Таня, подходя ближе.

Но девушка переминалась с ноги на ногу, дую в замерзшие пальцы, и надеялась, что, возможно, еще пронесет. Не пронесло.

- Марусь! - Бывшая подружка тронула ее за плечо.

- А? Что? - Рассеянно произнесла она.

- Ты чего это? Что здесь делаешь? - Брови Танечки взметнулись вверх от удивления. - Привет!

- Привет... - Выдохнула девушка.

И они обнялись. Маруся нырнула носом в мягкий мех Таниного воротника и почувствовала изысканный запах духов. «Хоть у кого-то жизнь сложилась», - подумала она.

- Ты ж вся ледяная! - Воскликнула Таня и снова прижалась к девушке. Отпустила, посмотрела пристально. Стянула с руки кожаную перчатку и осторожно коснулась ее щеки. - Холодная вся. И глаза зареванные. А, ну, идем греться!

Она ухватила Марусю за руку и потащила в находящийся неподалеку ресторан. Администратор, расшаркавшись перед Татьяной, помог раздеться и проводил девушек к самому лучшему столику.

Танечка плыла по залу, умело виляя бедрами и зная, что все мужчины в зале сейчас не могут оторвать от нее глаз, а Маруся шаркала следом, с ужасом осознавая, что одета неподобающе для такого места, да еще и кофточку впопыхах надела наизнанку.

- Давай, рассказывай, как жизнь. - Приказала Татьяна.

Жизнь? Хм. Единственное, о чем сейчас думала бывшая муза Зварского, это о том, как незаметно улизнуть из ресторана, чтобы не пришлось оплачивать счет.

- Ужасно. - Выпалила она. И принялась пальцами нервно приглаживать волосы, спутавшиеся под шапкой.

- Вина! - Распорядилась Таня, поняв, что подруге пригодится горячительное. - Нет, коньяку!

И Еникеева принялась сбивчиво рассказывать бывшей соседке по парте о своих злоключениях.

- И куда ты собираешься сейчас идти? - Покачала головой Танечка.

Маруся пожала плечами и опустила взгляд.

- М-да, дела. - Подруга постучала длинными ногтями по поверхности стола и решительно произнесла: - Поедешь со мной. Ты пей, пей. И ешь.

Желудок продолжал настойчиво урчать, но Марусе кусок в горло не лез. Ей казалось, что все сейчас смотрят на нее и понимают, что данный ужин богатой дамы и зачуханной провинциалки это просто акт благотворительности. Но следующие слова подруги заставили ее расслабиться:

- У меня тоже все хреново.

- Правда? - Замерла она.

Таня кивнула.

- Да. - Обвела руками наряд. - Остатки былой роскоши. Но я держусь. У меня грандиозные планы. Этот город меня не нагнет, скорее - я его.

– А как же Боссик?

– Оказался козлом. – Танечка залпом осушила бокал и зажмурилась. – Сейчас мне нужно сколотить капиталец, чтобы нанять хорошего адвоката и отсудить у него сына. – В ее глазах мелькнула боль. – Он вышвырнул меня и не дает нам видеться.

– А что случилось?

– Сначала все было хорошо. Сиськи, Мальдивы, бриллианты, яхты. А потом родился Сева, и Боссик заскучал. Ему хотелось разнообразия. Я делала вид, что не знаю про его интрижки с молоденькими моделями, но потом он привел одну из них домой и запер меня в спальне, чтобы не мешала им. Короче, был большой скандал, он разбил мне нос, но в итоге мы помирились. – Она ткнула пальцем в переносицу. – Видишь, все починили. Стало даже лучше, чем прежде. Еще немного приподняли кончик.

– Да, тебе идет. – Глухо проговорила Маруся.

– Но спустя месяц он привел к нам своего делового партнера и сообщил, что у них не только бизнес общий. И что его мне тоже придется ублажать. – Танечка закатила глаза. – А сам сел в кресло и сказал, что будет смотреть.

– И ты, что, не могла отказаться?

– Милая, я бы не выдержала еще одной операции на носу.

– Таня, но как... – Девушка поспешила запить рассказ подружки коньяком.

– Я собрала вещи только, когда поняла, что это будет повторяться регулярно. – Она достала помаду, зеркальце и поправила макияж. – Знала, что от такого, как Боссик, уйти невозможно, но все-таки решила попробовать. Взяла сына, выбрала подходящий момент и решилась на побег. Меня остановили прямо у калитки. – Она сморщилась, как от удара. – Гребаная домработница сдала. Отобрали ребенка, чемодан, пнули под зад и выкинули за ворота.

– Бедная...

- Да уж. Во всех смыслах. Выла под забором, стучалась, кидалась на его машину, когда он вернулся, а потом поняла, что все бесполезно. Меня к ребенку больше не подпустят. Попробовала попроситься обратно - не пустил. Тогда продала все цацки, которые на мне были: колье, кольцо, цепочку, серьги с рубинами, сняла хату и дала себе слово, что не успокоюсь, пока не заберу у него сына.

- Но как ты справляешься?

- Потихоньку.

- Нашла работу? - Маруся еще раз оглядела ее с головы до ног.

Танечка опустошила еще один бокал.

- Что-то вроде того. - Она достала из сумочки смартфон. - Обслуживаю фетишистов. Между прочим, это прибыльно.

- А что ты делаешь?

Татьяна огляделась по сторонам, затем наклонилась на стол и шепнула:

- Продаю им необходимое.

- Что? - Лицо Маруси вытянулось от удивления.

- Вот смотри. - Она развернула к ней свой гаджет. - Здесь моя анкета. Фото, параметры, видео. Закрытый файл только для тех, кто в теме. Желающие просматривают мои данные, заходят в чат и договариваются о стоимости.

- Не поняла. Это что, проституция?

- С ума сошла?! - Цыкнула на нее Таня. - Я продаю им свои трусики.

- Трусики?

– Да. Клиент назначает мне встречу. Я люблю людные места, так безопаснее. Неизвестно, какой шизик тебе попадется, поэтому нужно всегда быть осторожной.

– И ты что, несешь им свои трусы?

– Нет же, глупая. Трусики на мне.

– На тебе?

– Да. Сейчас у меня тоже назначена встреча. Через пять минут я удалюсь в уборную, сниму с себя белье и передам клиенту.

– И... сколько он тебе заплатит?

– Как повезет. – Танечка пожала плечами. – Понюхать – сто баксов. Со следами естественных выделений или мочи – двести. Скрипоции или менструальные пятна – триста и выше.

– Скри... что?

– Господи. – Танечка презрительно зыркнула на нее и цокнула языком. – Скрипоции. Засохший кал. Его следы на трусиках очень ценятся у этих извращенцев.

Марусю замутило.

– А что они с ним делают?

– С бельем? Нюхают, трогают, разумеется. Хранят у себя. – Танечка глянула на часы. – Ох, мне пора. Жди здесь.

Она встала и с видом победительницы направилась в уборную. Едва ее фигура скрылась за поворотом, из-за одного из столиков поднялся молодой, хорошо одетый мужчина и отправился следом.

Ужин никак не лез в горло девушке после подробностей, которые она узнала о сделке между Таней и этим господином. Через минуту оба вернулись из туалета. Подруга села на место, а мужчина рассчитался и спешно покинул ресторан.левой руки из кармана он не вынимал, у него там явно лежало что-то очень ценное.

И, вообще, выглядел Танькин клиент немного взбудоражено и нервно. Наверное, ему не терпелось скорее сесть в свой автомобиль, достать заветные трусы, прикинуть к ним носом и глубоко вдохнуть аромат.

Вот чудак. А ведь симпатичный, высокий, стройный. И не подумаешь, что с головой не все в порядке. Выйди за такого замуж, потом вернешься однажды домой раньше времени и застанешь его нюхающим твое исподнее над корзиной для белья в ванной.

Боже, упаси.

7

– А почему нельзя было устроиться по специальности? – Спросила Маруся подружку уже в такси по дороге на съемную квартиру.

– Куда? Кем? Переводчицей? – Отмахнулась Таня кожаной перчаткой. – Или училкой в какой-нибудь задрипанный колледж? Или хуже того – к школярам. Спасибо, ни за что.

– Зато приличная работа... – Сказала девушка и запнулась, наткнувшись на язвительный Танькин взгляд.

– Мне нужны приличные деньги, а это не одно и то же.

Подруга расплатилась с таксистом. Автомобиль остановился у высотки в спальном районе на окраине города. Это место больше напоминало глубинку, из которой приехала Маруся, поэтому девушке здесь показалось уютнее, чем в центре.

– Тот, кто однажды пожил в нищете, меня поймет. – Таня подтолкнула ее к подъезду. – Самое страшное чувство, это когда ты стоишь в магазине, считаешь последние деньги и гадаешь, сколько тебе сегодня не хватит на хлеб. А теперь у меня сын. И я хочу его вернуть. Поэтому не боюсь запачкаться.

Еще вчера Маруся могла, накинув пуховик прямо на голое тело, пойти в магазин за шампанским для себя и Зварского, а сегодня она уже была голозадой в прямом смысле этого слова – без жилья и средств к существованию. Потому прекрасно понимала подругу.

Ян и веселые попойки у него на квартире были в прошлом, ровно как и страстные ночи на узком диванчике в его мастерской – об этом девушка даже не хотела вспоминать.

– А ты почему за полгода в городе так никуда и не устроилась? – Спросила Танечка, распахивая дверь в старую однушку.

Она включила свет, и перед ними предстала унылая типовая квартирка со скудной обстановкой и советским вытертым добела паркетом.

– Потому что возомнила себя музой. – Вздохнула Маруся, поставив сумку на пол и скинув обувь. Пальцы ног все еще ломило от холода. – Я же не знала, что у музы короткий срок годности. Уж лучше быть простой смертной.

– Ты не переживай. Я помогу тебе устроиться. – Заверила подруга, принимая ее одежду. – Нас теперь двое. На фетишистах далеко не уедешь, но мы могли бы зарабатывать в видео-чате.

– Это как? – Теперь от теплого воздуха у Маруси кружилась голова.

Таня толкнула ногой ее ботинки подальше в сторону.

– Поставим веб-камеру, зарегистрируемся в системе анонимных видео-чатов. Это такой сервис видео-сообщений. Мужчина хочет развлечься, заходит на сайт, совершает что-то вроде звонка, ты включаешь камеру. Говоришь с ним, показываешь себя, раздеваешься. Делаешь всякие штуки, которые он просит. Потрогать себя например, что-то показать ему.

- Нет, нет, ни за что!

Подруга потянула ее за собой на кухню:

- Да не переживай ты. Это в первый раз страшно. Там же главное не это, а дольше держать его на связи, пока денежки каплют. Научишься тянуть время, разводить на разговоры, может, и не придется раздеваться совсем. - Она сама явно не верила тому, что говорила. - И тело у тебя красивое, не грех показать.

Маруся села на табурет и закрыла ладонями горящие щеки:

- Ты прости, Танюш. Я, наверное, не смогу. И пойду лучше, ладно?

- Брось. - Татьяна открыла холодильник. Внутри лежали кусочек колбасы, йогурт и бутылка колы. Она достала газировку и поставила на стол. Из настенного шкафчика добыла бутылку дешевого виски и соорудила им обоим по коктейлю. Села, прихлебнула и устало произнесла: - Не буду я тебя заставлять. Сама вижу, что ничего из тебя не выйдет. Но я не злюсь. Ты пей-пей, а то заболеешь. А денег на лекарства у меня нет, все по максимуму откладываю на адвоката.

- Спасибо, Тань...

Подруга улыбнулась, обнажив оплаченные Боссиком белоснежные виниловые наклейки на зубах.

- Но и в беде тебя не брошу. - Осушив до дна бокал, уверенно сказала Татьяна. - Знаю, где нужны работники вроде тебя. Место приличное.

- А что сама не устроишься?

Танечка нахмурилась:

- Принеси-подай совсем не мое. Скорее, твое.

- Хорошо. - Маруся хряпнула коктейля и шмыгнула носом. - Я сейчас даже полы мыть согласна, пока что-то нормальное не найду. Все лучше, чем обратно на

улицу.

8

Два пьяных звонка около полуночи решили проблему с поисками работы.

- Возьмешь? - Промурлыкала кому-то Танька.

- Пусть приходит. - Прошуршал чей-то ленивый кошачий голосок в трубке.

Так и решилась Марусина судьба.

Встав около семи утра, девушка поняла, что зря вчера ночью злоупотребляла спиртным в таких количествах. Голова гудела, руки тряслись, к горлу неумолимо подкатывала тошнота.

- Это к перемене погоды. - Поднявшись и мельком глянув в окно, заявила Танечка.

А затем рухнула обратно. Ни к чему ей было подниматься в такую рань. Фетишисты выходили на связь не раньше обеда, поэтому смысла пить кофе и дежурить у компьютера она не видела.

- Там на бумажке записан адрес. - Лишь махнула в сторону стола.

Закрыла веки и провалилась обратно в сон.

Маруся прошлепала босыми ногами на кухню, поставила чайник на плиту и посмотрела в окно. Улицу плотным ковром покрывал снег. Он валил с неба хлопьями, кружил в воздухе пушистыми снежинками и создавал над городом видимость тумана. «Значит, потеплело», - подумала девушка.

И ей вдруг привиделся Зварский, который выбегает из подъезда в одном халате, чтобы догнать ее. Он кричит, размахивает руками, зовет ее жалобно и

протяжно, и тут налетает ветер, и все прохожие видят, что художник совсем без исподнего: «Как бы не отморозил себе чего».

Нет. Глупости. Он скорее побежит, чтобы купить шампанского и продолжить вечер с балериной, чем просить ее, Марусю, остаться. Да и какая теперь разница? Лучше уж забыть о нем совсем. Скоро Новый год, а значит, у нее будет шанс начать жизнь с чистого листа.

Она вздохнула и принялась искать средства от головной боли. Нашла упаковку анальгина, выпила одну таблетку с надеждой, что похмелье отступит, и поморщилась, заметив на столешнице следы вчерашних девичьих посиделок: бутылку из-под колы, бокалы и засохший кусок лимона. Виски тут же попросился обратно, и Маруся отвернулась к окну, чтобы не видеть пустых стаканов, от которых накатывала тошнота.

Она взяла записку с адресом, на которой корявым Танькиным почерком на листке было выведено название одной из центральных улиц, и взглянула на часы. Явиться нужно было к девяти, а значит, девушка даже помыть голову не успевала.

Выключила газ, побежала к чемодану, выскребла оставшиеся монетки и пару купюр – их едва хватало на карту в метро. Лихорадочно нацепила красное хлопковое платишко – единственное, что считалось у нее более-менее приличным, серые плотные колготы, пуховик. Разделила волосы на две части, зацепила их, чтобы не лезли в лицо, в два низких хвостика, натянула шапку, зеленый шарф, ботинки, схватила сумку и выбежала из квартиры.

Не так уж тепло и было на улице. Мороз кусал коленки и щеки, а ветер так и норовил пробраться под юбку. И только снег, оседающий хрустящей белой паутиной на плечи, несказанно радовал Марусю. Он дышал свежестью и очень походил на чистый лист, с которого можно было начать новую жизнь.

Дорога заняла у нее ровно полтора часа.

«Vesper Wedding Room» – было выбито золотыми буквами над входом в магазин. Девушка на всякий случай еще раз сверилась с адресом. Все было верно. Нужная улица, нужный дом. Вот только Таня уверяла, что ее возьмут продавцом в какую-то лавку, и она не ожидала, что лавка вдруг окажется настоящим бутиком, двери и фасад которого были отделаны богаче замка какого-нибудь арабского шейха.

«Vesper Couture» значилось на небольшой золотой табличке, закрепленной в витрине. И там же находилось несколько свадебных платьев необыкновенной красоты. Платья с легкими шелковыми юбками, кружевными вставками, открытыми спинами и длинными шлейфами смотрелись на манекенах просто божественно. От такой красоты у Маруси натурально перехватило дух.

«Знала бы – оделась бы во что-нибудь Танино». Ужасно неловко было входить в это райское место в своих массивных чунях, обильно облепленных снегом. Ей даже захотелось развернуться и убежать. Но инстинкт самосохранения подсказал: будь, что будет. Идти все равно больше некуда. Уж лучше получить пинок под зад, чем не попытаться вовсе.

Проигнорировав табличку о том, что все приемы ведутся только по записи, Маруся дернула на себя ручку двери и очутилась, как ей показалось, в настоящем дворце: мраморные сияющие полы, белоснежная мебель с латунными основаниями, изогнутыми в причудливые загогулины, роскошные люстры с позолотой, живые цветы на всех мыслимых и немыслимых поверхностях, море света и бесконечное количество свадебных платьев различных фасонов.

Она засмотрелась по сторонам: тут и воздушная органза, и нежная простота шелка, и богатство атласа и тафты, и величественная помпезность всевозможных декоров из страза, жемчуга, кружев и кристаллов. «Восхищай! Очаровывай! Наслаждайся собой!» – Провозглашал лозунг на крутящемся в огромной плазме видео-ролике. – «Наряды для настоящих леди, которые ценят эксклюзивность и высшее качество. Тонкий вкус, безупречный стиль, аристократический блеск! Все это только в платьях бренда Веспер».

– Чебуречная дальше по улице, – вдруг вывел Марусю из состояния восхищенного транса чей-то грубый голос.

– Простите, я не... – начала было девушка, заикаясь.

И наткнулась на строгий взгляд незнакомки. Черные волосы, собранные в тугий высокий хвост и явно уложенные воском или гелем, подведенные стрелочками раскосые глаза, подчеркнутые персиковыми румянами впалые щеки и строгий серый костюм. Эта загадочная дама лет пятидесяти с прямой спиной и идеальной прической была одного с ней роста, но смотрела на Марусю явно свысока.

– Метров пятьдесят. – Указала она на выход. – Дальше по улице. – И характерным взмахом руки подсказала, в какую сторону ей нужно выметаться. – Всего доброго.

При этом строгая мадам с осанкой балерины ни разу не взглянула в лицо вошедшей. Кажется, ей с трудом удавалось держать себя в руках при виде снежной каши, сползающей с ботинок Маруси на безупречно отполированный мраморный пол.

– Я от Тани, – почти отчаявшись, промямлила девушка. И отступила на шаг назад, робко теребя край зеленого шарфа.

На полу, на том месте, где она только что стояла, уже блестела химической радугой лужа, в середине которой плавали ошметки городской грязи.

– Работу ищу... – Добавила она, закусив губу.

Дама в сером медленно втянула носом воздух и прикрыла веки. Это ее движение очень походило на какую-то дыхательную практику, призванную помочь справиться со стрессом и попросту не разораться.

– За что же Татьяна меня так ненавидит? – Произнесла она, наконец-то, открыв глаза и оглядев Марусю с ног до головы. – Нет. Никуда не годится. – Разочарованно качнула головой. – Совершенно неприемлемо! – И тут как заорет: – Аннет! Анне-е-т!

Девушка вздрогнула, лихорадочно соображая, что бы мог значить этот крик. То ли ругательство какое французское, то ли упражнение для голосовых связок?

Но через пару секунд откуда-то из коридора сбоку появилась точно такая же тощая девица. Только костюм на ней был не серый, а черный, и вместо шпилек удобные черные лоферы.

– Я здесь, Ирэн. – В руке у нее была большая коробка с бумажными носовыми платками. – Кому нужна помощь? – Она огляделась по сторонам, а затем непонимающе уставилась на бедную Марусю.

– Нужно срочно здесь прибраться. – Опять этот высокомерный жест. Дама в сером бросила взгляд на наручные часы. – И быстрее! Мэтр скоро прибудет.

– Ах! – Женщина в черном выпучила глаза, заметив снежную лужу. – Какой кошмар! – Чуть не отбросила с перепугу коробку с платками. – Сейчас ликвидируем безобразие. – И на негнущихся ногах поспешила прочь: – Катрин, Софи, тревога! Тре-во-га!!!

– Что ж... – Негромко произнесла дама в сером, которую звали Ирэн. Она подошла к Марусе и бесцеремонно ухватила ее за подбородок тонкими пальцами. – Это катастрофа. – Подняла выше, заставила посмотреть в ее глаза с недовольным прищуром, а затем покачала головой: – Но я люблю сложные вызовы.

– Так вы возьмете меня? – Хрипло спросила девушка.

И снова нарвалась на строгий взгляд.

– За мной. – Скомандовала Ирэн, развернувшись на каблуках.

И направилась куда-то вдоль стройного ряда длинных зеркал.

– Угу. – Отозвалась Маруся, послушно топая за ней.

Она шла на носочках, переживая, что ее боты все еще оставляют грязные следы.

– Имя?

– Что?

– Твое имя, деточка? – Не оборачиваясь, спросила Ирэн.

– М-мария.

– Значит, Мари.

– Здесь так принято? – Стараясь не отставать, поинтересовалась девушка.

– Здесь принято слушать, а не задавать вопросы. – Отчеканила мадам.

– Хорошо. – Сглотнула девушка.

Не выгнали, и на том спасибо.

10

– Марго! – Позвала женщина, едва они вышли из общей залы в длинный коридор. И почти сиреной взвыла: – Мар-го!

– Да, мадам? – Из-за белоснежной двери показалась темноволосая головка молоденькой девицы.

– Сюда, сию же минуту. – Нетерпеливо махнула рукой Ирэн.

Девушка аккуратно прикрыла дверь, подошла и замерла, уставившись на грязные следы, тянущиеся от ботинок Маруси по всему коридору. Саму Марусю она, кажется, даже не заметила. Зато на грязь, заляпавшую мраморный пол, глядела, как на что-то невообразимо страшное, вроде бацилл чумы или сибирской язвы, грозящейся скосить половину населения города.

– Марго, это Мари. – Ирэн небрежно указала на краснеющую от волнения незваную гостью. – Она будет работать у нас в нижнем зале. Твоя задача переодеть ее и полностью ввести в курс дела.

– Хорошо. – Кротко кивнула Марго, искоса поглядывая на новенькую.

– И поторопись. – Предупредила женщина. – Мэтр вот-вот прибудет. Готовность пять минут.

Девушка послушно закивала и потащила Марусю за собой в кабинет. И, надо сказать, очень вовремя, потому что за спиной девушки как раз в этот момент, словно большой хищный зверь, зашумела какая-то адская машина.

Маруся обернулась и увидела здоровенный пылесос, оснащенный щетками для мытья пола, которым с трудом управляла девушка в черном костюме и на шпильках. «Либо они так торопятся убрать за мной, либо у них уборщицы всегда работают на каблуках. Ох, и странное место», – подумала Маруся, входя следом за Марго в кабинет.

– Так. – Сказала девушка, закрыв дверь. Она пробежалась взглядом по одеянию новенькой и покачала головой. – Быстрее раздевайся, у нас всего пара минут, чтобы тебя переодеть.

– Угу. – Маруся послушно расстегнула пуховик. Похоже, они находились в помещении, которое служило работникам салона чем-то вроде раздевалки. Аккуратные шкафчики вдоль стены, зеркала, туалетные столики и много света.

– Сорок два? – Прищурившись, предположила Марго.

С выбором одежды у Маруси всегда были проблемы. Имея очень аккуратные формы, она никак не могла подобрать удачный верх – пышная грудь не вмещалась.

– Сорок четыре. – Произнесла робко.

– Нет. – Отмела сомнения сотрудница салона. – Сорок два.

Она метнулась к встроенному шкафу, открыла и вынула из него серый костюм, топ белого цвета и темно-серые лодочки.

– Переодевайся. – Скомандовала, взглянув на часы. – Нужно еще что-то сделать с твоими волосами.

– Хорошо. – Согласилась девушка.

Маруся под бесцеремонным взглядом Марго начала спешно скидывать с себя все предметы одежды. Ей было неудобно, но она даже пикнуть не смела, боясь, что останется без работы, если хоть что-то возразит своим новым возможным нанимателям.

– Эта Ирэн здесь главная, да? – Решилась все-таки спросить она, надевая поверх топа легкий жакет.

– Мадам? Да. – Марго подошла ближе, чтобы помочь ей застегнуть крохотные пуговицы.

На удивление, костюм сидел, как влитой. Ничто нигде не давило и не натягивалось.

– Она француженка? – Робея под строгим взглядом, выдавила Маруся. – Просто акцента у нее нет. Может, у вас так принято – называть всех на иностранный манер, я же не знаю.

– Садись. – Приказала Марго.

Девушка подошла к туалетному столику и послушно опустилась в кресло. Бросив взгляд в зеркало, она про себя отметила, что неплохо смотрится в этой униформе. И теперь они с Марго даже похожи чем-то. Выглядят утонченно и весьма элегантно.

– Точно я не знаю. – Марго достала из ящика длинную расческу и средства для укладки. – Когда я устроилась, мне не объяснили. – Она принялась расчесывать волосы Маруси. – Но, кажется, Ирэн была близкой подругой мадам Веспер, а та по происхождению была француженкой и очень скучала по своей стране.

– Мадам Веспер это... хозяйка салона?

Марго тихо усмехнулась и закрутила волосы Маруси в тугий хвост.

– Я сказала что-то смешное?

– Нет. – Девушка тщательно зачесала мелкие волосинки и уложила их лаком, чтобы не торчали. – Ты откуда взялась здесь? С луны, что ли, свалилась?

– Я тут пять лет прожила, вообще-то. – Потупила взор Маруся. – Просто... просто... не слышала об этой Веспер никогда.

– Ты модой, вообще, интересуешься? – Марго пригладила последние волосинки и, довольная результатом своего труда, отошла на шаг назад. – Хотя, о чем это я? Этот вопрос отпал сразу, как только я увидела твои хвостики и идиотский пуховик.

Марусе, может, и хотелось обидеться, но было уже некогда, потому что Марго позвала ее:

– Идем! – И жестом показала, чтобы поторапливалась. – Опаздывать нельзя. Объясню все по пути.

Они вышли в коридор и направились обратно в главный зал. Марусе на тонких шпильках по скользкому полу пришлось нелегко – она то и дело покачивалась, боясь оступиться. Опыт хождения на каблуках у нее был небольшой: на выпускном в школе да на вручении диплома в вузе. А тут, похоже, все сотрудники были настолько изысканными, что даже дома носили подобную обувь.

– Никаких украшений. – Шепнула Марго, остановив ее на входе в зал. Осмотрела уши девушки, шею, руки и довольно кивнула: – Вся бижутерию и драгоценности оставляй дома.

Маруся разглядела небольшую дырочку в носу Марго. Наверное, эта кареглазая красавица с идеальной кожей в обычной жизни носила пирсинг, но вынуждена была снимать его на работе.

- Готовность номер один! - Строго провозгласила Ирэн, появившись в зале.

И все сотрудницы, цокая каблучками, выстроились в шеренгу вдоль длинной мраморной лестницы с кованными перилами, тянущейся на второй этаж. Марго с Марусей оказались аккурат в середине строя одинаково одетых дам.

Мадам Ирэн, сложив руки в замочек, придирчиво оглядела всех сотрудниц, затем стены, полы, зеркала, живые цветы в вазах, убранство зала и медленно втянула носом воздух:

- Не забывайте улыбаться, дамы.

Все дружно кивнули, и Маруся тоже последовала их примеру. Не успела она спросить шепотом у Марго, к чему все так усердно готовятся, как роскошные двери салона открылись, впуская внутрь не менее роскошного мужчину в деловом костюме и стильном черном пальто поверх.

Высокий молодой шатен.

Загорелый и подтянутый. От таких обычно за версту расходится аромат фантастически дорогих духов и баснословных денег. Такие не ходят по улицам даже самых крупных городов, потому что по определению должны либо кататься по солнечным улицам Монте-Карло в шикарных спорт-карах в обнимку с подружками-моделями, либо не существовать вовсе. Да, если серьезно, таких мужчин вообще в природе не бывает, потому что их может нарисовать только воображение художника-перфекциониста!

Ухоженный, словно кем-то специально отфотошопленный с издевательским желанием понизить самооценку всем остальным простым смертным. С модной стрижкой, с легкой походкой и теплым, золотистым загаром в разгар лютой, серой, неприятной зимы. В темных очках и с вычурным шарфом, придававшим его хозяину надменный, претенциозный вид.

- Бонжур! - Провозгласила мадам Ирэн.

И все девушки, как по команде, подтянулись и нацепили фальшивые улыбки:

– Бонжур!

Кажется, никто не дышал.

Мужчина, прошествовав по залу, лишь коротко кивнул в знак приветствия. Занятый своими мыслями, он пробежался глазами по присутствующим, ступил на лестницу, поднялся на пару ступеней и вдруг замер. Обернулся, нахмутив брови, оглядел всех сотрудниц по очереди и вдруг остановился на застывшей от страха Марусе:

– А это еще кто?

11

– Это Мари. – Мадам натянула услужливую улыбку.

– Вы наняли новую сотрудницу? – Мужчина с сомнением оглядел Марусю с головы до ног.

Девушка в этот момент даже не моргала. Ей словно по воздуху передались вибрации, идущие от остальных присутствующих: страх, страх и еще раз страх.

– Да, месье Веспер. – Кротко.

Маруся вытянулась в струнку, когда незнакомец приспустил очки. Он смотрел на нее взглядом рептилии, таким пронзительным и холодным, что девушка почти физически ощутила благоговение и ужас, застывшие в воздухе над всеми остальными сотрудницами салона. Нет, конечно, его зрачок не был вертикальным, как у крокодила, но исходивший от его глаз холод ощущался миллионом мурашек, моментально разбежавшихся по ее коже.

– Хорошо, – спокойно ответил он, вернул очки на место и направился вверх по лестнице.

Кажется, кто-то даже облегченно выдохнул.

– А теперь всем работать. – Хлопнула в ладоши Ирэн. – Ну, же, девочки, не стоим, встречаем клиентов!

И направилась к входной двери, за которой уже виднелись фигуры первых посетителей.

– Кто это был? – Шепнула Маруся на ухо Марго, глядя, как суетятся сотрудницы возле входа.

И кивнула на лестницу.

– Это? – Девушка улынулась и поправила рукава жакета. – Как можно его не знать?

Маруся пожала плечами:

– Это ваш начальник?

– Милая, это Веспер. – Марго потянула ее за собой. – Идем. – Они направились к длинной череде белых платьев, тянущейся вдоль стены. – Сегодня ты только слушаешь и запоминаешь. Смотри внимательно за всем, что здесь происходит. Внимай каждому моему слову и впитывай, как губка.

– Так кто этот тип? Ваш хозяин? – Не сдавалась Маруся, все еще боязливо поглядывая на лестницу.

– Это мэтр, дорогая. К нему едут со всей страны и даже из заграницы. Александр Веспер, слышала о таком? Вера Вонг русской свадебной моды. Великий и безумный креативщик, генератор самых смелых идей и одновременно самый консервативный классический дизайнер одежды. Многоликий Веспер – божественный и талантливый.

Сказано это было почти с придыханием.

– Не поняла, он что, платья шьет? – Открыла рот Маруся. – Все эти платья? Это его работы?

Марго устало выдохнула и покачала головой:

– Это бренд, милая. Мы с тобой всего лишь винтики в самой верхушке модной конструкции. – Она потянула ее за руку вглубь коридора. – Идем, покажу. – Они прошли по коридору до конца, и Марго толкнула рукой дверь, обозначенную табличкой «Склад». – Мы в хранилище. Любуйся. Скоро ты будешь знать здесь каждую модель, каждую расцветку и размер. Будешь ориентироваться с закрытыми глазами и наощупь. Научишься подбирать по цвету кожу и типу фигуры девушек идеальное платье, а пока просто наслались местом, куда мечтает попасть каждая невеста страны.

Маруся медленно пошла вдоль рядов с вешалками, а над ее головой с громким щелчком включалось освещение. Света в помещении становилось все больше и больше, и платья буквально слепили ее своей белизной – точно как первый снег поздней осенью.

– Но как... – она сглотнула. – Как их различать? Они же все белые и пышные. И...

– Вовсе нет. – Марго подтолкнула ее вперед, затем остановила и начала тянуть за подол одну модель за другой: – Слоновая кость, шампанское, розовая пудра, молочный, кремовый. – Подвела к другой стойке. – Это все слоновая кость. Айвори. У нее тоже десятки оттенков: бежевый, кремовый, коричневый, бумажный, розовый, персиковый. И все айвори.

– И все это шил он? Веспер? – Только и смогла выдавить Маруся, любуясь фактурой ткани.

– М-да-а-а... – Протянула Марго. – Придется тебя просветить, как следует. Смотри. – Она взяла со стола какой-то буклет с изображением бутика и принялась листать: – Когда-то здесь был дом моды Нины Веспер. На первом этаже ателье-мастерская, на втором студия. Сейчас, после ее смерти, всем руководит ее сын Александр. Он вывел бизнес матери на новый уровень, и теперь Веспер – настоящий бренд, получивший признание среди лучших кутюрье мира. Модные показы, собственные линейки производства и эксклюзивные модели, фэшн-обзоры в крупнейших журналах и сотрудничество с

самыми известными селебрити. Дорогая, мы здесь просто пешки. Универмаг. Настоящее искусство живет там, на втором этаже, в святая святых свадебной моды – в его мастерской.

12

– Так. Я не поняла. – Маруся потопталась на месте, оглядывая бесчисленные платья на вешалках. У нее уже кружилась голова от услышанного. – Здесь что, еще и звезды бывают?

– Не здесь. – Марго указала пальцем наверх. – Там. У мэтра. Но ты тоже сможешь увидеть их мельком. Когда они приезжают, мадам Ирэн спускается, лично встречает и провожает их наверх.

– А кого тогда обслуживаем мы?

Девушка взяла ее за руку и потянула за собой. Они вышли из складского помещения и направились в кабинет, смежный с главным залом. На табличке значилось «Офис».

– Здесь вся информация о наших клиентах. Бывших и будущих. – Марго толкнула дверь, и они вошли в комнату. – Привет, Люси. Это Мари, наша новенькая.

В середине кабинета располагался широкий дубовый стол, заполненный офисной техникой, напротив которого стояло два вычурных кожаных кресла.

– Доброго утра, – оторвалась от изучения бумаг молодая рыжеволосая женщина, на которой был точно такой же, как и у них, серый костюм.

– Здесь у нас мозговой центр. Люси отвечает на телефонные звонки и руководит интернет-сайтом. – Марго подвела Марусю к компьютеру и указала пальцем на открытые вкладки. – Любая девушка в стране мечтает выйти замуж в платье от Веспер, но не каждая может себе позволить. Финансово, разумеется. Мы не работаем как обычный салон, только по записи. Какая сейчас длительность ожидания, Люси?

Рыжеволосая улыбнулась:

- Около года.

- Ой, - нахмурилась Маруся, - кто ж его знает, что будет через полгода. А тут год. И много желающих?

- Конечно. - Улыбнулась Люси. - Очередь ожидания постоянно растет.

- Многие девушки покупают платье заранее, а потом уже ищут жениха. - Вступила Марго.

- На фига? - Вырвалось у Маруси. - То есть... - Покраснев, она прикусила язык. - То есть... это же неразумно!

- Милая, это же Веспер! - Раскинула руками ее новая напарница. - Да тысячи девушек удавятся ради возможности козырнуть перед подружками тем, что они выходили замуж в платье от гениального кутюрье! Хотя таковыми можно считать только тех мастеров, чей Дом моды расположен в Париже, но не все в этом разбираются. Это же повод потрепаться среди знакомых, выложить фоточки в инстаграме, возможность козырнуть своим финансовым положением!

- Платья Веспер, - добавила Люся, - для тех, кто готов платить и ждать.

- Думаю, многие свадьбы только для того и затеваются, чтобы похвастать перед всем миром своими нарядами. - Усмехнулась Марго. - Не секрет, что чуть ли не все девочки с детства бредят планированием собственного грандиозного, самого главного в жизни торжества. А мы... мы просто помогаем им стать на этом празднике самыми-самыми.

- Да, - кивнула Люси. - Поэтому сразу запомни: вы не продавцы, вы - феи.

Маруся неуверенно кивнула.

Марго улыбнулась:

– Наша задача сделать так, чтобы клиентка не ушла с пустыми руками. Задача Люси – крепко держать уже готовенького платить клиента, пока он не расплатится. Мы все здесь немного волшебники!

– Ясно... – Маруся растерянно сложила руки в замок. – Мы продаем платья Веспер, а что тогда там... – Она подняла взгляд вверх.

– О... – Марго прочистила горло. – Здесь, на первом этаже, – всего лишь витрина. Да, к нам приходят состоятельные люди, но все они, так скажем, с улицы. Каждое утро Люси распечатывает нам списки клиентов, время записи и все необходимое, а вот все VIP-клиенты всегда идут напрямую через мадам. Бизнесмены, олигархи, звезды кино и телевидения, модные фрики, шоу-бизнес и прочие – все звонят ей.

– Она встречает их с парадного входа и сразу провожает наверх. – Сказала Люси, и в это мгновение на ее столе зазвонил телефон. Она сняла трубку: – Модный дом Веспер.

– Мы пойдем. – Прошептала Марго.

Люси помахала на прощание рукой.

Девушки вышли из кабинета и направились в зал, где другие сотрудницы уже порхали возле пришедших клиентов.

– Если кто-то готов платить за платье, как за новый автомобиль представительского класса или за квартиру, это еще не значит, что мэтр лично возьмется за его пошив или моделирование. – Марго пожала плечами. Они остановились у основания мраморной лестницы и одновременно взглянули вверх, когда она продолжила: – Скорее всего, этим займется кто-то из его команды.

– У него что там, целый штат работников?

– Да. – Кивнула Марго. – Портные, швеи, дизайнеры, модельеры, стилисты.

– Модельеры?

– Да. Веспер же создает образы. Воплощает самые фантастические идеи в одежде: от выбора типа и оттенка ткани до поиска конструктивных решений для воплощения в жизнь задуманных моделей. Он создает вектор моды, а его модельеры, я называю их серийщики, просто на него ориентируются при изготовлении выкроек и образцов платьев для бренда.

– Значит, не все, что здесь продается, сделано его руками или придумано им самим?

– Нет. – Марго мечтательно вздохнула, скользнув взглядом по гладким ступеням.

– Но что-то ведь он создает лично? Да?

– Целиком вручную? В единственном экземпляре? Бывает. Но не для продажи – потому что клиенту обычно шьют точно такое же по образу и подобию, но в нужном размере. И его ни за что не коснется рука Веспера, он будет лишь следить за процессом. Каждое платье, сотворенное лично мэтром – это шедевр, это такая колоссальная шумиха, что нас после презентации неделями осаждают представители СМИ и модной индустрии. Мы можем видеть это произведение искусства только на подиуме на теле модели или на фото в журнале, а где они хранятся потом, и носит ли их кто-нибудь, доподлинно неизвестно никому.

13

А дальше все завертелось и закрутилось.

Прибывали невесты, и Марго на своем примере показывала, как в элитном салоне работают с клиентами.

– Ты – лицо, представляющее бренд, помни об этом. Ты должна быть вежливой и улыбаться, даже если тебе не нравится, как клиенты разговаривают с тобой. Даже если туфли натерли, а стринги, как заноза, врезались в задницу – терпи и улыбайся. Даже на последнем издыхании, даже умирая – не переставай улыбаться и помни, что представляешь модный дом Веспер.

Маруся наблюдала, как ловко Марго управляется и с эмоциями будущих невест, и с их нарядами, и не переставала удивляться. Тому, что происходит, и тому, что ей внезапно это... нравится.

– Запомни: ты никто. Пыль под ногами. Поэтому ты в этом костюме. На фоне наших клиенток мы должны смотреться серостью и скукой, тогда и платья на них заиграют. Не забывай, что девушки, которые приходят сюда, приходят за сказкой. За мечтой. Они хотят быть особенными в свой особенный день. Твоя задача – убедить их, что они идеальны, потому что невеста должна всегда выглядеть идеально, и точка.

Маруся старалась запомнить все, что говорила и делала Марго, ведь каждое сказанное ею слово, будто каким-то магическим образом действовало на всех находящихся в зале и примерочной.

– Свита – это самая большая проблема при выборе платья. – Шептала Марго, пока очередная невеста крутилась у зеркала. – Они все приходят с родственниками. И наша задача сделать так, чтобы те не стали нашими врагами. Нужно расположить их к себе, расслабить, заговорить зубы, потому что если кто-то из свиты вдруг начнет критиковать наряд – пиши «пропало». Полдня пробегаешь от склада к примерочной и обратно, но ничего не продашь.

– Хорошо.

Марго помогала клиенткам застегивать крючки, расправляла подолы, зашнуровывала корсеты, завязывала ленты. И делала это, кажется, бесчисленное количество раз, не переставая улыбаться, а Маруся все смотрела и смотрела за каждым ее движением, и удивлялась.

– Нужно уметь уговорить родственников, часто именно они платят за наряд. Но хуже всего – подружки, которые «советуют» своей товарке не брать «похожее на ночнушку» платье. Ты носишься с ней, вся в поту, таскаешь изделия, достаешь, помогаешь надеть, снять, убрать. А они потом лениво говорят «фи», и вся твоя работа насмарку. Этим злым ревнивым бабам все время всё не нравится! И так как заткнуть подружек практически невозможно, поэтому и приходится применять тяжелую артиллерию: обычно я тихо говорю невесте в примерочной, что они ей все завидуют, и вызываю на подмогу коллег-экспертов, которые в три рта начинают нахваливать платье.

– А зачем ты сразу с порога спрашиваешь у невесты про бюджет? – Покраснела Маруся. – Это как-то... неловко.

– Как зачем? – Удивилась Марго, поражаясь наивности новой напарницы. – Чтобы продать ей платье подороже! Девяносто процентов покупателей тратят у нас больше, чем изначально рассчитывали. Если клиентка говорит, что у нее семь тысяч баксов, я приношу ей два наряда за семь и один за десять. Все-таки, с ней ее отец, который хочет, чтобы дочь выглядела лучше всех, ее мать, заливающаяся слезами умиления, бабуся, которая тоже что-то откладывала на подарок внучке. Всегда найдется, кому доплатить за прихоти.

– И это работает?

– Иначе бы все это здание не было бы обработано позолотой.

– Ой, случайно принесла. – Наигранно смутилась Марго уже через полчаса, наглядно демонстрируя Марусе свою тактику раскрутки.

– А сколько оно стоит? – Глаза невесты, стоящей в примерочной, загорелись огнем восхищения.

– Немного превышает по стоимости ваш бюджет...

Взгляд тут же потух:

– Понятно...

– Давайте просто примерим! – Улыбнулась Марго, снимая белоснежное облачко с плечиков.

– Ох... – Только и смогла выдавить невеста, оглядывая свое отражение. – Оно... оно... божественно!

– Зеркало – твой лучший помощник. – Шепнула Марго напарнице, а затем повернулась к невесте и чуть не пустила фальшивую слезу: – Слово сами ангелы выбрали его для вас!

А потом они вернулись в зал, где на мягких диванчиках расселись родственники, и все дружно охали, презентуя наряд.

- Шикарно, изысканно, стильно, роскошно! - Хитрюга не забыла цыкнуть новенькой: - Запоминай все эти слова, как библию. Придется повторять их каждый день. - А потом снова невесте: - Вы просто сияете! - Ну, и когда восторги начали стихать, а слезы немного подсохли, тихо проронила: - Правда, есть небольшая загвоздка...

- Какая?

- Цена слегка превышает ваш бюджет.

Так-с. Покраснели, напряглись. Бабушка настороженно насупила брови.

- Сильно? - Осмелился спросить отец будущей невесты.

- На две с половиной тысячи...

Дедушка, подозрительно крякнув, сразу бросился в сомнения:

- Посмотрим что-то еще?

Тут вступила лучшая подружка:

- Вырез для тебя не toomuch, нет? Кажется, что ты специально выставляешь напоказ свои прелести.

- В этот момент самое главное вовремя перетянуть на свою сторону мать. - Привычно шепнула Марусе наставница и ринулась в бой: - Я вижу слезы на ваших глазах. И сама растрогалась, что для меня редкость. Похоже, вы тоже видите, что это оно. Да? То самое платье, которого достойна ваша красавица?

Растерянная родительница закивала.

– Все-таки один раз в жизни выходим замуж... – Невинно пожала плечами Марго и перевела взгляд на отца.

Под таким взглядом даже олигарх сознался бы, на каких оффшорах у него имеются заначки.

– Мы его берем. – Выдохнул он под ее напором.

Аплодисменты, слезы, сопли. Все счастливы.

Но Марго уже не остановить:

– Фата идеально подчеркивает кружево, не правда ли? – Она ловко присобачивает на голову невесты изысканный кусок тюля.

Все замирают, кто-то шепчет:

– Надо подумать...

Но взгляд невесты – самое страшное оружие. Ее распирает от счастья, и никому не хватит смелости разрушить ее маленькое, хрупкое счастье.

– Вы это заслуживаете. – Звучит, как приговор.

Да. Это последняя капля, и крепости сданы. Отец идет оформлять покупку, сотрудницы помогают невесте снять и упаковать наряд. Марго широко улыбается и уже болтает со своей жертвой так, будто они родные.

– Впарить украшения, фату, аксессуары – высший пилотаж. Учись, студент! – Шепчет она Марусе, заворачивая платье и убирая в фирменный пакет.

И тогда Маруся впервые задумывается о том, что за пять лет в университете ее не научили ничему подобному. Она корпела над заданиями, много читала и предпочитала учебу общению со сверстниками. Наверное, если бы она хоть изредка тогда отвлекалась, то и город изучила бы лучше, и мужчин. С ними у нее на данный момент тотальная беда. Хорошо, хоть работа теперь есть. И такой замечательный учитель как Марго.

– Лучше сожги дома это барахло, – усмехнулась Марго, пренебрежительно оглядывая Марусин пуховик, когда они уже переодевались после окончания смены.

Судя по выражению лица, девушка ни капли не шутила.

– У меня, кроме этого, ничего нет. – Потупила взор Маруся.

– Здесь хорошо платят, не переживай. Купишь новое. – Напарница накинула на плечи легкую дубленку, поправила шелковый шарфик и подмигнула ей. – Да всё будет нормально, Мари. Или как там тебя зовут?

– Маруся.

– Да уж... Это имя тебе точно подходит. А полностью это как? По паспорту?

– Мария Вячеславовна Еникеева.

– Занятно. – Хмыкнула Марго. – Давай, Еникеева, до завтра. Не забудь принести документы, тебя оформят. И еще... – Она замерла у двери. – Если хочешь, помогу тебе купить нормальную одежду и обувь. С первой зарплаты.

– Ох, буду рада. – Засияла Маруся и смущенно прикусила губу.

Марго, отчего-то закатив глаза, вздохнула. О значении ее вздоха девушка догадывалась, но обижаться не стала.

А вернувшись домой, Еникеева застала Татьяну за странной деятельностью: та, напевая что-то под нос, полоскала в тазу дюжину белых кружевных стринг, а затем, легонько отжав их, развешивала по очереди на веревке.

– Постирушки? – Поинтересовалась Маруся, протиснувшись к подруге в крохотную ванную комнату.

– Готовлю фронт работ. – С деловым видом объяснила Татьяна. – Белье для этих извращенцев должно быть новым и красивым.

Стирала она исключительно в перчатках, чтобы не испортить маникюр. Пол возле ее ног весь был завален коробочками с известным логотипом – белье бывшая жена олигарха брала люксовое, от известного бренда. А порошок использовала тот, что предназначался для стирки постельного для новорожденных – без фосфатов и отдушек.

– Детский? – Уточнила Маруся, разглядывая пакет с порошком.

– Он единственный ничем не воняет. – Татьяна отжала воду с новой пары стринг, расправила изделие и аккуратно развесила на веревке. – Никаких посторонних запахов. Товар должен пахнуть только мной.

– Ну, да. Логично.

– Пора мне расширяться. – Таня выключила воду и стянула перчатки. – Ты, кстати, как? Не надумала присоединиться?

– Нет! – Выпалила Маруся и виновато прикусила язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sokol_lena/plat-e-nevesty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)